

Философские науки

УДК 13

Засухина Виктория Николаевна
Viktoria Zasukhina

АНТРОПОЛОГИЗМ ФИЛОСОФИИ П.Д. ЮРКЕВИЧА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ПОЛЕМИКИ С Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ

ANTHROPOLOGY OF P.D. YURKEVICH'S PHILOSOPHY IN BACKGROUND OF HIS POLEMICS WITH N.G. CHERNYSHEVSKY

Автор статьи анализирует представления русского религиозного мыслителя П.Д. Юркевича о человеческой природе и о месте человека в мире, основанные на положениях христианской антропологии. Эти представления были изложены Юркевичем в полемике с русским материалистом Н.Г. Чернышевским

Ключевые слова: антропологизм, антропологический принцип, материализм, этический (нравственный) утилитаризм, христианская антропология

The author of the article analyses the thoughts of the Russian religious philosopher, P. D. Yurkevich, concerning human nature and the position of the man in the world, based upon the foundation of Christian anthropology. These ideas were stated by P. D. Yurkevich in the polemics with the Russian materialist, N.G. Chernyshevsky

Key words: anthropologism, anthropologic principle, materialism, ethic (moral) utilitarianism, Christian anthropology

Чернышевский Н.Г. на протяжении многих десятилетий являлся одним из русских философов, чье учение официально признавалось соответствующим государственной идеологии и достойным того, чтобы быть изучаемым советской наукой. П.Д. Юркевич же из-за своей откровенно православной ориентации по идеологическим соображениям был отнесен к разряду враждебных «прогрессивной» советской науке и исключен из числа тех, кого следует изучать. На самом деле профессор Киевской духовной академии и Московского университета Юркевич стоял у истоков оригинальной русской философии и принадлежал духовно-академическому направлению (философии теизма): учился и преподавал в Киевской духовной академии. Он хорошо владел проблематикой современной ему философии, в том числе

и европейской. Его голос звучал на уровне современной ему университетской учености. По мнению исследователей его творчества, именно его философский талант поставил духовно-академическую науку рядом с университетской. В. С. Соловьев называл его своим учителем. По оценке другого русского мыслителя Г. Г. Шпета, Юркевич для своего времени был одним из самых, если не самым, философски подготовленным [4; С. 48] в России. Высокую оценку ему давали также В. В. Зеньковский, Г. В. Флоровский. А вот в либеральных кругах его не любили за критику материализма и за симпатии к нему со стороны консервативно настроенной части русского общества того времени.

Однажды, прочитав в журнале «Современник» статью Н.Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии»

[3], П.Д. Юркевич решил ответить на нее своей статьей, которую назвал «Из науки о человеческом духе». Поскольку он не знал автора (статья не была подписана именем Чернышевского), его трудно обвинить в предвзятости. В свою очередь, Чернышевский вступил в полемику и дал ответ Юркевичу в статье «Полемические красоты». Интересен факт, что сам Чернышевский не читал статью, с идеями которой спорил. Свой ответ он основал на тех предположениях, которые сделал, исходя из своих знаний о богословии и своем понимании природы человека. И у Юркевича, и у Чернышевского в обществе нашлись сторонники. Так, с позиций религиозных в защиту первого выступил М. Н. Катков, а с позиций материализма в защиту второго – П.Л. Лавров.

Полемика с Чернышевским, развернувшаяся на страницах журнала «Современник», принесла Юркевичу больше известности, чем его труды.

Юркевич основывает свое учение на данных библейской психологии, использует не только аргументацию Священного Писания, но и авторитет святых отцов и учителей Церкви. В то же самое время его нельзя обвинить в отсутствии четкой логики и научно-философской аргументации. Анализируя своеобразие психического в человеке, он опирается на теорию сознания Р.Г. Лотце. Философское учение Юркевича в своем основании имеет также антропологический принцип, поскольку в центре внимания мыслителя – человек, личность. Но это антропологизм не материалистический, как у Чернышевского, а сориентированный на православное вероучение.

Юркевич выступает с критикой материализма как учения, которое, по его мнению, не способно решить всех философских проблем и ответить на многие вопросы, касающиеся важнейших сторон жизни. Но, споря с материалистическим пониманием мира, мыслитель очень корректен и не отвергает того положительного в материализме, что, на его взгляд, может быть полезным не только науке (психологии, прежде всего), но даже и богословию.

Богословские науки, уверен он, нуждаются в открытиях, сделанных «материальными науками», которые находятся «в таком сравнительно блестящем положении, какого они не имели прежде» [5; С. 110]. Богослов, если он желает быть услышанным, обязан прислушиваться к «философии реализма», или «философии опыта» [5; С. 109] (так Юркевич называет материализм), от которой, пишет он, «мы имеем и ожидаем так много доброго и плодотворного для науки и жизни» [5; С. 190].

Юркевич понимает объективную значимость материализма и его своевременность. Он указывает на то, что материализм возник как реакция на недостатки и слабые стороны прежней философии и является важным моментом в развитии человеческой мысли. Но, подчеркивает философ, признавая его законное право на существование, образованное общество должно указать ему свое «определенное место в целостной мысли о мире» [6; С. 244]. Юркевич отрицает возможность адекватного познания мира и человека средствами одной только материалистической науки и настаивает на объединении разных познавательных парадигм: богословской, философской, научной.

Юркевич критикует не столько материализм, сколько его интерпретацию Чернышевским. Его статью «Антропологический принцип в философии» он характеризует как совершенно чуждую всех положительных качеств «философии реализма». Ее автор, по мнению Юркевича, не знакомит с действительными выводами этой философии, к тому же еще и о психологии, и философской проблематике говорит как будто понаслышке. Юркевич высказывает предположение, что, возможно, Чернышевский «не знаком с делом, за которое взялся» [5; С. 119].

Главная же ошибка Чернышевского, как отмечает Юркевич, заключается в том, что он смешивает физиологию с психологией, а нравственные науки – с химией, а философия не должна «праздно повторять» все то, что и без нее знают физиология, химия, медицина. Его материализм антинаучен,

это не материализм даже, а «метафизика материализма» [5; С. 119], которая «учит, что человеческое существо слагается единственно из частей материальных, по общим физическим законам и что его феноменальное единство, его целесообразное строение есть произведение не мысли, не идеи, а таких же материальных частиц» [5; С. 119]. В этом-то как раз и кроется принципиальное противоречие между материализмом Чернышевского и естественнонаучным взглядом на человека: «естествознание изъясняет человеческий организм из материальных оснований, а материализм из этих оснований изъясняет все существо человека, всего человека» [5; С. 119].

По мнению Юркевича, не следует отрывать феномены физического мира от человека, игнорировать личность как центр мира, ради которого и существует этот мир. При истолковании явлений нельзя забывать главное — зрителя, на которого эти явления действуют, забывать «дух, который принимает явления в формы ему одному свойственные» [5; С. 128]. Все, что есть в природе, не является привилегией мертвой, не мыслящей материи, а имеет отношение, прежде всего, к духу и имеет хоть какой-то смысл своего существования «в точке встречи материи и духа» [5; С. 131].

Не приемлем для Юркевича и нравственный утилитаризм Чернышевского, в соответствии с которым, основой «нравственного» в человеке является эгоизм, или «мысль о собственной пользе, личном удовольствии, личном благе» [3; С. 279]. Юркевич подчеркивает, что поступок хорош и вменяется человеку в личную заслугу не потому, что человек этим поступком хочет доставить себе удовольствие и поневоле для его достижения делает приятное другим людям, а потому, что он свое стремление к наслаждениям ограничивает нравственными законами. Он не хочет доставлять удовольствия самому себе, попирая и оскорбляя права другого, поскольку так поступить может только либо животное, либо безнравственный субъект.

У Чернышевского в его системе утилитаризма, по Юркевичу, есть серьезный

пробел: не усмотрена идея достоинства личности и достоинства правил и целей деятельности этой личности. Человек же на самом деле ценит полезное не само по себе, а по отношению к цели, которую он стремится достичь. Вообще Юркевич высказывается в отношении утилитаризма Чернышевского категорично: «В выражении, что добро есть польза, заключается плохо понятое учение философии, что нравственно совершенная деятельность есть необходимое условие для счастья или для блага людей как существ разумных» [5; С. 169].

В истолковании человека Юркевич отталкивается от положений христианской антропологии. И для него неприемлема та точка зрения, что между естеством человека и животного нет никакой принципиальной разницы. По Чернышевскому, даже духовная деятельность людей существенно не отличается от духовной деятельности животных. Юркевич же обозначает эти отличия, ссылаясь во многом на Текст Пятикнижия (Быт. 1; 20-24, 27). Человек, делает он вывод, есть личность, а «животное не может проявлять себя как дух личный» [5; С. 139], оно является не личностью, а «экземпляр природы». Животные — это «пассивные носители идеи рода, а не духа личного» [5; С. 139]. У людей разные цели и разные пути их достижения, и человек находит в этом удовлетворение. А животные одной породы всегда приходят к одной цели и одинаковыми путями, которые они даже не выбирают, подчиняясь инстинкту.

Юркевич категорически не согласен с тем, что «животные мыслят, рассуждают, умозаклучают» [5; С. 149]. По Юркевичу, животные знают отдельные вещи и даже способны отличать их друг от друга («хозяина от хозяйки, кучера от поварихи, хозяйского быка от хозяйской коровы...» [5; С. 148]), но они не имеют общих понятий об этих вещах: собака не может объединить хозяйку, повариху, корову в общее для них понятие пола. Животное не имеет логики, оно не способно к оцениванию, критике, оно воспринимает явление как таковое.

Юркевич ссылается на мнение Лейбница о том, что животные «суть чистые

эмпирики, то есть они довольствуются знанием чисто опытным и тем сочетанием или порядком представлений, какой сложился в их душе из случайных впечатлений» [5; С. 153]. Человек же в своем сознании отодвигает мир непосредственных воззрений на задний план и пытается во всем увидеть «истинно-сущее», «метафизическую сущность вещей» [5; С. 152]. Идея истины вообще есть главный фактор развития человека, уверен Юркевич.

Юркевич упрекает Чернышевского в незнании новейших открытий психологии, таких как «закон психического механизма и закон так называемых рефлексивных движений» [5; С. 154]. Если бы он их знал, пишет Юркевич, то не стал бы приписывать животным аналогичную человеческой способность мыслить. Сам Юркевич указывает на две формы самосознания, которых нет у животных: «... критическое отношение духа к своему собственному эмпирическому состоянию» [5; С. 151-152] – это отношение дает человеку возможность развиваться в соответствии с идеалом, а также «знание о я как основе душевных явлений» [5; С. 152]. По мнению мыслителя, самосознание присутствует в человеке изначально с момента его существования и независимо от приобретаемых в процессе роста и развития знаний.

Душа даже самого грубого дикаря решительно отлична от души животного, и отличие это состоит в духовном наполнении. Ссылаясь на святоотеческую психологию, Юркевич указывает на то, что человек способен не только к знаниям, но и к знаниям о знаниях. Он способен не только действовать, но и соотносить эти действия с идеалом. То есть главное отличие человека от животного заключается во «внутреннем самосознании» [5; С. 148].

Юркевич с уверенностью заявляет, что животное не способно к нравственной деятельности как человек, и пишет по этому поводу следующее: «В области животных мы имеем, действительно, ту мораль утилитаризма, которую так усердно стараются иногда навязать человеку. Животные обнаруживают трогательные примеры вер-

ности, любви, благодарности, но все это не есть свободная нравственность, не есть явление идеальных чувствований. Они, животные, оценивают эти явления не по их объективному достоинству, но по их полезности» [5; С. 160-161]. И у зверей, и у людей есть инстинкт, но только человек может превратить «эти инстинктивные стремления в дело личности, в нравственно достойные поступки» [5; С. 158]. Например, материнский инстинкт можно подчинить идее долга и предписаниям совести. Животные слепо подчиняются инстинкту и ограничены его рамками. Курица заботится о цыплятах только до того момента, пока она им нужна, и забывает о них, когда они становятся большими. Более того, она никогда не вспоминает о том времени, когда она заботилась о них и была им нужна. В матери ее любовь живет вечно. Даже если дети давно выросли и забыли о своей матери, она их не забывает и с упоением вспоминает то время, когда ее детки были маленькими и беспомощными.

Аргумент Чернышевского, что человек, как и животное, живет инстинктом, и инстинкт определяет направление его развития нейтрализуется метким замечанием Юркевича, что у животных инстинкт есть конечная точка развития, у человека же с инстинкта все только начинается.

Итак, для Юркевича, которого мы отнесем к христианскому направлению русского антропологизма в философии, неприемлемыми оказываются односторонний материализм и этический утилитаризм. Он не согласен с абсолютизацией роли естественных наук в познании человека и с игнорированием данных богословия. Свою позицию он излагает в четкой противопоставленности либеральным взглядам Чернышевского. Сам же представляет ту часть русской философии, которая наиболее всего соответствует консервативной биоэтике.

Трагедия христианской цивилизации, в частности кровавая история православной России в XX в., доказали нам опасность низведения человека до физиологического, животного уровня. Сужение понимания человеческого естества рамками биоло-

гического, соображениями практической целесообразности или гедонистическими установками неизбежно приводит к релятивированию человеческой жизни, приучает потребительски относиться к чужому и своему здоровью. Этим объясняется акту-

альность взглядов П. Д. Юркевича и других русских религиозных философов, которые раздвигали границы человеческого бытия до вечности и рассматривали человеческую жизнь как абсолютную ценность.

Литература

1. Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии (XI-XX вв.). – 3-е изд. – СПб.: Изд.-торг. дом «Летний сад», 2001. – 398 с.
2. Русская философия: словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. – М.: Республика, 1995. – 655 с.
3. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. – М.: Правда, 1974. Библиотека отечественной классики. – С. 200-296.
4. Шпет Г.Г. Очерки развития русской философии. Ч. 1 // Сочинения. – М.: Правда, 1989. – 601 с.
5. Юркевич П.Д. Из науки о человеческом духе // Философские произведения: прил. к журналу «Вопросы философии». – М.: Правда, 1990. – С. 104-193.
6. Юркевич П.Д. Материализм и задачи философии // Философские произведения: прил. к журналу «Вопросы философии». – М.: Правда, 1990. – С. 193-245.

Коротко об авторе

Засухина В.Н., канд. филос. наук, доцент, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
zasuha_72@mail.ru

Научные интересы: биоэтика, социальная философия, этика, русская философия

Briefly about the author

V. Zasukhina, candidate of philosophical sciences, associate professor, Philosophy department, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University

Scientific interests: bioethics, social philosophy, ethics, Russian philosophy

